

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

PERSPECTIVES ON THE INTERPRETATION OF LEGAL REALITY

N. Malkov

Summary. The philosophical-legal category «legal reality» within the existing interdisciplinary discourse includes various interpretations and is universally used in the current field of social sciences. At the same time, legal reality as a concept in its multifacetedness is not limited to the existing perceptions and allows new interpretations aimed at the actualization and further development of public discourse both in purely legal studies and in interdisciplinary ones. The article discusses possible perspectives on the interpretation of legal reality, based on the prevailing view of relativism in law in legal theory and within the framework of post-classical conceptions of law. The perspectives are assessed both from the perspective of legal research specifically and in relation to how the social sciences consolidate representations of legal reality in current discourse.

Keywords: legal reality, philosophy of law, general theory of law, social reality, normativity.

Малков Никита Геннадьевич

Аспирант, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
malkoff.ukropchik@yandex.ru

Аннотация. Философско-правовая категория «правовая реальность» в рамках существующего междисциплинарного дискурса включает в себя различные толкования и повсеместно используется в актуальном поле социальных наук. Вместе с тем, правовая реальность, как концепт, в своей многогранности не ограничивается лишь существующими представлениями и допускает новые интерпретации, направленные на актуализацию и дальнейшее развитие публичного дискурса как в сугубо правовых исследованиях, так и в междисциплинарных. В статье рассматриваются возможные перспективы интерпретации правовой реальности, исходя из господствующего в теории права представления о релятивизме в праве и в рамках постклассических представлений о праве. Оценка перспектив дается, как с позиций специально юридических исследований, так и применительно к тому, как социальные науки консолидируют представления о правовой реальности в актуальном дискурсе.

Ключевые слова: правовая реальность, философия права, общая теория права, социальная реальность, нормативность.

Для современного дискурса вокруг права и его проявлений в общественной жизни немаловажным является прочная постановка экзистенциально-онтологических оснований права для понимания не только места права в той самой общественной жизни, но и понимания «права самого по себе» или «права на самом деле» [1, С. 146]. В данном свете основополагающей категорией выступает «правовая реальность», предполагающая в рамках философии права и общей теории права постановку проблематики онтологических оснований права в социальной реальности. Причем, сама по себе «правовая реальность», становится объектом анализа и важной предпосылкой для ряда исследований и используется в различных значениях, и в рамках одной и той же проблематики может иметь разнообразное значение для обоснования всевозможных явлений в социальной реальности. Так, для расширения и углубления давно существующего дискурса относительно соотношения права и морали используются аргументы относительно связи категорий «моральная реальность» и «правовая реальность» [2, С. 129–130]. Все это напрямую говорит о существующей потребности в развитии дальнейших интерпретаций «правовой реальности» не только в сугубо специальных философско-правовых исследованиях, но и в рам-

ках междисциплинарного подхода в современной гуманитарной науке.

Вопрос о том, можно оценить дальнейшие перспективы развития вышеуказанного дискурса не носит фантастический и трудно прогнозируемый характер. Уже сейчас, опираясь на существующие реперные точки в философско-правовых исследованиях можно найти важные предпосылки, которые можно использовать для дальнейших интерпретаций «правовой реальности». Данные предпосылки носят, как сугубо философско-правовой характер, зачастую даже формально-юридический подход, так и лежат в плоскости общегуманитарного и, что немаловажно, междисциплинарного подхода к изучению социальных явлений.

В свою очередь при разговоре о такой важной характеристике права, как нормативности затрагиваются вопросы ее соотношения с «правовой реальностью», где выдвигаются тезисы о необходимости преодоления дисбаланса в нормативности права и «правовой реальности» в ситуации неопределенности дальнейшего развития правопорядка и необходимости постановки политико-правовых ценностей, способных устранить данный дисбаланс [3, С. 21–23].

Также, исходя из содержания основных предпосылок аксиологии права и того, что сама по себе нормативность в праве, как явлении общественной жизни включает в себя и некое ценностное содержание, исследователями отмечается, что право и именно «правовая реальность» должны объединять в себе два вида объективированной реальности — интерсубъективную и диспозиционную [4, С.7].

В данном случае, интерпретация такой категории, как «правовая реальность» носит широкий и релятивистский характер, поскольку, как отмечено нами ранее, «правовая реальность» как философско-правовое явление используется в различных исследованиях, зачастую носящих не столько специально-правовой характер, сколько находящихся на стыке исследовательских интересов многих

Такой широкий простор для интерпретаций как обычно обладает явными достоинствами и очевидными недостатками, где главным преимуществом, очевидно, выступает участие в дискуссии представителей многочисленных научных школ социальных наук, обогащающих существующий дискурс вокруг «правовой реальности» в рамках обширнейшего интерпретационного пространства.

С другой стороны, очевидное преимущество таит в себе и важный недостаток — излишний плюрализм мнений и существующий релятивизм в социальных науках и праве, в частности, допускает некую неоднородность и бессистемность дискурса. Данный недостаток не выступает в качестве существенного, поскольку его допустимо нивелировать в рамках обобщающих и систематизирующих исследований, которые смогут, помимо построения универсального понятийного аппарата, также выстроить общую парадигму существующего дискурса.

Сама по себе общая парадигма в интерпретации правовой реальности предполагает описание указанных нами ранее общих предпосылок, из которых в дальнейшем и выстраивается общий дискурс и задается направление в интерпретации.

К сугубо специальным предпосылкам для интерпретации, помимо частично описанных ранее, стоит отнести и такое явление, как правореализация, которое определяется исследователями в качестве самостоятельного социального явления, находящегося в связи с «правовой реальностью» и влияющего на все гуманитарное знание [5, С. 546]. В наиболее общем виде, правореализация представляется в качестве формы воздействия именно позитивного права [5, С. 547] и последовательно состоит из четырех элементов: «юридической нормы», «субъек-

та права», «деятельности субъектов права относительно исполнения, использования, соблюдения, применения юридической нормы», «результата воплощения юридической нормы в жизнь» [5, С. 550].

Однако, применительно к правореализации, не умаляя важности именно позитивного права, стоит отметить, что закрепление за правореализацией именно формы воздействия позитивного права упускает важную деталь, а именно того посредством чего это позитивное право и осуществляет воздействие — объявления статусных функций (*status function declarations*), то есть способность речевыми или волевыми актами наделять различные объекты функциями, которыми они внешне могут не обладать [6, С. 44, 304].

Здесь перекликаются как специально юридические предпосылки, так и философско-семиотические особенности, связанные с воздействием языковых (в частном виде — речевых) актов на формирование особой реальности социальных явлений, которым вне всяких сомнений выступает право. Каким же образом стоит представить взаимосвязь данных предпосылок для дальнейшей интерпретации «правовой реальности»? Следует допустить их взаимную обусловленность — одно не должно рассматриваться как сугубо механический акт воспроизведения другого, а должна проследиваться теснейшая связь и причинность. Правореализация должна освободиться от примата правового позитивизма и обратить внимание на то, что без формализации в речевых актах, значимость которым придают естественно-правовые предпосылки, внешняя проявление права в социальной реальности не будет обладать тем воздействием, которое предполагает формирование «правовой реальности».

В таком случае, примирение и поиск компромиссных решений в общей теории права, применительно к позитивистским и естественно-правовым концепциям правопонимания — выступает важнейшей перспективой для интерпретации «правовой реальности» во всем дискурсе. Юридическое содержание данного явления должно задать первоначальные общие предпосылки для формирования общей парадигмы, постулированной нами ранее.

В наиболее упрощенном представлении такого рода синергия должна стать частью правового мышления, способного в рамках рефлексивности [7, С. 48] вычленять в связи между объектами пласты «правовой реальности» и логически продолжать интерпретацию в рамках общего междисциплинарного дискурса.

Внутри же специально юридических изысканий в западной традиции права, как отмечает Н.В. Андрианов,

сама по себе интерпретация обычно предполагает интенцию к совершенствованию тех или иных институтов и выливается в пожелания установления новых правил [8, С. 560]. Применительно к «правовой реальности» такая интенция носит комплексный характер, поскольку направлена она на весь массив «правовой реальности» и не ограничивается, по существу, совершенствованием нормативности, ведь как указано нами выше, в рамках существующего релятивизма в праве и колоссального влияния постклассических теорий права необходимо устранить все более укореняющийся дисбаланс в нормативности права и «правовой реальности».

Отсюда, и намечается еще одна перспектива в интерпретации «правовой реальности» — преодоление ситуации деформации правовой реальности, в рамках которой, позитивное право оказывается существенно оторванным от «правовой реальности» и наблюдаются очевидные даже для неспециалистов и, применительно к естественному порядку вещей, грубые искажения «правовой реальности» буквально оторванной от «социальной реальности».

Что же позволяет преодолеть данные разрывы и очевидную деформацию? Обращение к тому, как естественный порядок вещей и «социальная реальность» сформировались в «правовую реальность», что отчасти включает в себя правовую традицию прошлого и актуальную правовую доктрину, обычаи и практики

регулирования отношений в конкретном обществе. Встречается в исследованиях также указание и на «правовую память», позволяющую установить корреляционную связь между языком, текстом, речью в качестве базовых компонентов культуры социального порядка и социокода на основе иерархии ценностей, сформированной в обществе [9, С. 14].

Юридическая семиотика, рассматривающая право с позиции юридического текста, и, по сути, занимающаяся непосредственной интерпретацией правовой реальности, также позволяет выявить необходимые компоненты для преодоления ситуации деформации: юридическое означаемое, означающее и означенное; внешнюю среду его обитания, а также историко-культурный контекст и глубинные фундаментальные основания нормативности сущего, представляющие собой метаправо или универсальные юридические категории, архетипы и константы [10, С. 17].

Исходя из представленных нами предельно общих перспектив интерпретации правовой реальности, стоит допустить, что дальнейший дискурс в данном вопросе не ограничится существующими наработками, а продолжит свое развитие на основе общих предпосылок общегуманитарного характера, которые позволят преодолеть возможный разрыв в представлениях о правовой реальности в юридических и смежных социо-гуманитарных исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стовба А.В. Реальна ли правовая реальность? // Правоведение. 2016. № 4 (327). С. 145–153.
2. Большаков Е.В., Назаров И.Д. Моральность правовой реальности // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 121–130.
3. Ромашов Р.А. Дисбаланс правовой нормативности и правовой реальности // Вестник СГЮА. 2015. № 6 (107). С. 17–23.
4. Куляскина И.Ю. Об онтологической природе права // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 96. С. 3–7.
5. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правореализация как компонент правовой реальности: философско-правовое исследование // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 541–563.
6. Beever A. Law's Reality: A Philosophy of Law / Allan Beever. — Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2021. XVII, 352 p.
7. Бортняк А.Ф. Правовое мышление как средство оценки и моделирования правовой реальности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 1–2. С. 45–49.
8. Постклассическая онтология права [Текст] / под общей редакцией И.Л. Честнова. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. 684 с.
9. Ланг П.П. Правовая реальность: философско-правовой анализ // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 2. С. 11–17.
10. Веденеев Ю.А. Правовая реальность: онтология и эпистемология // Lex Russica. 2015. № 5. С. 7–22.

© Малков Никита Геннадьевич (malkoff.ukropchik@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»